

А.Ш. Бейбулатов

**РОЛЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В АКТИВИЗАЦИИ БОРЬБЫ С КУЛАЧЕСТВОМ
(декабрь 1929 – январь 1930 г.)**

Активизация борьбы с кулачеством, начавшаяся в декабре 1929 г., была непосредственно связана с ускорением темпов коллективизации в сельскохозяйственной отрасли. Северный Кавказ вместе с Нижне-Волжским краем по планам правительства и решениям партруководства были выделены в качестве тех регионов, в которых коллективизацию намечалось провести в первую очередь и ускоренными темпами. В связи с чем было решено сократить сроки проведения коллективизации на Северном Кавказе сначала до двух лет, а потом и до одного года, и завершить эту кампанию в 1930 г. Естественно, что кардинальное изменение стратегии сельскохозяйственной политики в регионе в корне меняло направленность борьбы с кулачеством. Установка партии состояла в том, что проведение коллективизации напрямую связывалось с ликвидацией кулачества в селе.

Подготовка к этим двум масштабным акциям проходила изначально как бы на двух уровнях. Вопросами, относящимися к реформам сельского хозяйства, занимались государственные и партийные деятели центрального руководства, свои программы готовились и в регионах. Они отличались, как выяснилось позже, большей практической направленностью и учетом специфических особенностей конкретных местностей. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 5 декабря 1929 г. под председательством наркома земледелия Я.А. Яковлева, была создана комиссия, которой поручалось в течение двух недель разработать подробный перечень вопросов о характере, сроках и темпах коллективизации крестьянских хозяйств в различных районах страны и о мерах помощи со стороны государства местным органам партийной и исполнительной власти в реализации аграрной стратегии партии и правительства. В состав этой комиссии были включены руководители тех краев и областей, в которых сельскохозяйственные проблемы стояли наиболее остро. В нее вошел и секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А. Андреев (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1876. Л. 8). На своем первом заседании вновь созданный орган образовал несколько подкомиссий, к компетенции которых были отнесены самые различные области аграрного сектора, связанные с коллективизацией разрозненных крестьянских хозяйств. На одну из них под председательством К.Я. Баумана была возложена задача определения основных направлений политической линии в отношении кулаков в районах сплошной коллективизации (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 5–5 об).

Основным вопросом, которому было уделено большее внимание, являлось определение направленности использования реквизируемых в кулацких хозяйствах средств производства: сложной сельскохозяйственной техники и мелкого инвентаря. В этом отношении требовался новый подход, отличный от тех методов, которые применялись во время военного коммунизма, когда сельскохозяйственный инвентарь «распылялся» по индивидуальным крестьянским дворам. В настоящих условиях предполагалось передавать все кулацкое имущество в неделимый колхозный фонд, что, по мнению экспертов Наркомата земледелия, повысило бы эффективность его использования и исключило возможность дальнейшего роста капиталистических элементов на селе. Другими словами, лишение крестьян возможности обрабатывать землю считалось действенным средством искоренения капиталистического элемента из жизни села.

В середине декабря 1929 г. подкомиссия К.Я. Баумана представила свои предложения по вопросам общей стратегии борьбы с кулачеством, в содержании которых попыталась отразить дифференцированный подход к различным категориям кулацких хозяйств. Их суть заключалась в следующем:

1. Проводить в районах сплошной коллективизации на основе постановлений сельских сходов и местных съездов советов экспроприацию всех средств производства кулацких хозяйств и их передачу в неделимый фонд колхозов.

2. Высылать и выселять по постановлению сельских сходов и сельсоветов те кулацкие элементы, которые оказывают активное сопротивление установлению новых порядков ведения сельского хозяйства на социалистических началах.

3. Включить в состав колхозов как рабочую силу без предоставления в ближайшие годы избирательного права – как активного, так и пассивного – тот людской состав из экспроприированных кулацких хозяйств, который согласен подчиниться и добросовестно исполнять все обязанности члена колхоза (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 53).

Содержание документа свидетельствует о том, что на начальном этапе разработки политической стратегии против кулаков не ставился вопрос об их полном устранении из сельской местности, по крайней мере, в отношении подавляющего их большинства. Допускалось даже их вступление в колхозы без предоставления членства и избирательного голоса с установлением исправительного срока. В случае добросовестной работы считалось возможным предоставление бывшему кулаку равных со всеми остальными членами колхоза прав.

Когда эти предложения еще обсуждались в правительственных инстанциях, практически во всех округах Северного Кавказа полным ходом осуществлялись мероприятия по коллективизации. По состоянию на середину декабря 1929 г. общий показатель коллективизации хозяйств в крае в среднем составлял 35%, для сравнения – летом этого же года их было около 15%. К весне 1930 г. планировалось объединить в колхозы 50% всех крестьянских хозяйств, а в Северной Осетии завершить коллективизацию полностью. Некоторые трудности в реализации правительственной программы возникали в равнинной части Дагестана из-за изменений административных границ республики, однако всю кампанию здесь намечалось завершить не позднее осени 1930 г. (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 72–73).

Поддерживая инициативу местных партийных комитетов и пытаясь настроить их на непреклонное выполнение своих решений, ЦК ВКП(б) направил на места выписку из секретного протокола к постановлению от 18 декабря 1929 г. В ней отмечалось, в частности, что дальнейшее развитие коллективного движения в сельском хозяйстве возможно только на основе решительной борьбы с кулаками. С учетом этого предлагалось не ослаблять наступательности в действиях, «осуществляя наряду с отведением им отдаленных и худших земель... и прямую конфискацию» технических и других средств кулацкого хозяйства (Коммунистическая партия ... 1984. С. 30).

Исходя из сложившегося на тот период положения в аграрном секторе, бюро Северо-Кавказского крайкома партии инициировало рассмотрение вопроса о ходе коллективизации на Северном Кавказе на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Оно состоялось 5 января 1930 г. С подробным докладом, в котором были отражены и успехи, и трудности в проведении кампании, выступил секретарь крайкома А.А. Андреев. По итогам обсуждения было принято решение продолжить создание коллективных хозяйств на Северном Кавказе «нынешними методами» до 10 января, оставшееся время использовать для выработки мер дальнейшей реализации государственной политики в регионе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 771. Л. 4). Таким образом, получается, что комплекс основных вопросов в рассматриваемом направлении был решен в течение пяти дней. Это свидетельствует в первую очередь о действительной чрезвычайности положения в сель-

скохозяйственной отрасли края и назревшей необходимости окончательного решения всей проблемы в области аграрных преобразований, и прежде всего в отношении кулаков.

После обсуждения всех вопросов и получения рекомендаций события на Северном Кавказе начали развиваться стремительно. По возвращении из Москвы 8 января 1930 г. краевое партийное руководство провело экстренное заседание бюро комитета партии, на котором было принято решение о выселении в северные регионы страны 20 тысяч кулацких хозяйств, в том числе 1,5–2 тысячи кулаков из национальных образований.

План административного выселения, разработанный на основании этого решения, предусматривал репрессии в отношении следующих категорий кулачества:

1. «Активных белогвардейцев в прошлом, казачьих авторитетов, бывших белых офицеров, карателей, репатриантов, бывших бело-зеленых бандитов».

2. Лиц, отбывающих наказание по ст. 58 и 107 УК РСФСР, членов церковных советов, сектантских обществ и групп.

3. Кулаков, раскулаченных в 1928–1929 гг. во время хлебозаготовок, а также «разрушающих свое хозяйство».

ОГПУ по Северному Кавказу поручалось особое внимание уделить пограничной зоне Черноморского округа. Для руководства всей кампанией по раскулачиванию и выселению кулаков создавались специальная комиссия при крайкоме партии, а в округах и районах – тройки, в состав которых включались председатель исполкома, секретарь партийной организации и представитель ОГПУ (*Ивницкий Н.А.*, 1996. С. 132).

Постановление бюро крайкома от 8 января 1930 г. предусматривало выселение кулаков из всех округов. Например, из Кубанского округа планировалось подвергнуть выселению 3700 хозяйств, Донского – 2700, Армавирского и Терского – по 2200, Майкопского, Сальского, Шахтинско-Донецкого и Донецкого – по 1500, Ставропольского – 1200, Черноморского – 300, Сунженского и Петропавловского – 200. Кроме того, из национальных образований на Северном Кавказе в предварительные списки по раскулачиванию было внесено следующее количество кулацких хозяйств: Адыгея – 200, Черкесия – 50, Карачай – 75, Кабардино-Балкария – 350, Осетия – 300, Ингушетия – 150, Чечня – 500 (Проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) ... 2000. С. 100-103).

Непосредственное начало акции по выселению кулаков планировалось на 10 февраля 1930 г. Всем кулацким семьям предполагалось выделить семь дней на ликвидацию неконфискованного имущества. Окончание высылки намечалось на 1 марта. Как видно, сроки устанавливались очень сжатые и, как выяснилось позже, нереальные. Они определялись с учетом только местного уровня готовности, а также желания поскорее избавиться от противников коллективизации. Важной в этой связи представляется пометка в конце документа, указывающая, что «оформление выселения кулацких хозяйств провести во внесудебном порядке..., всю работу по данной кампании рассматривать как мобилизационную со всеми вытекающими отсюда последствиями» (Проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) ... 2000. С. 100–103).

После того как содержание постановления Северо-Кавказского крайкома партии было доведено до Москвы, в работу включились государственные ведомства и министерства. Несмотря на то, что постановление касалось только кулаков, наркомат финансов 12 января 1930 г. направил на места циркуляр, который предписывал крайфинотделам досрочное взыскание с кулацких и зажиточных групп деревни всех задолженностей по ссудам, кредитам, страховым и налоговым обложениям. Вполне очевидно, что данный циркуляр готовился из расчета возможности применения репрессивных мер не только к кулакам, но и зажиточным крестьянам, поэтому с них также предлагалось заблаговременно получить соответствующие финансовые взносы.

16 января 1930 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев направил в ЦК партии сообщение: «Мы приступаем к практическому осуществлению переселения кулаков за пределы края». Он просил соответствующего разрешения и выражал уверенность в том, что эта акция лучше других средств подействует на оставшихся «антисоветских элементов» в деревне (*Ивницкий, 1996., С. 132*).

Изложенное выше позволяет уверенно говорить о том, что Северо-Кавказский крайком партии в начале января 1930 г. взял на себя инициативу в вопросах раскулачивания и тем самым содействовал ускорению принятия решений в этом плане на всесоюзном уровне. Как известно, соответствующее постановление ЦК ВКП(б) было принято только 30 января 1930 г., а директива ЦИК и СНК СССР, обосновавшая его нормативно, еще позже, в то время как на Северном Кавказе в соответствии с постановлением бюро крайкома от 8 января полным ходом уже шла подготовительная работа и принимались меры по административному выселению кулаков, а 29 января краевой комитет партии уже принял постановление о «ликвидации кулачества как класса».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ивницкий Н.А.*, 1996. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). 1984. Изд. 8-е. В 15-ти т. Т. 5.
- Проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении кулацких хозяйств от 8 января 1930 г.// Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. 2000. В 5-ти т. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1876.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 771.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 5–5 об.